

УДК 81'26
ББК Ш 118

ГСИТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

Алексеева Мария Леонардовна,

кандидат филологических наук, доцент, кафедра профессионально-ориентированного языкового образования, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 481; e-mail: maria.alekseyeva@gmail.com

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЯ: ПРОБЛЕМА НЕПЕРЕВОДИМОСТИ В КОМПАРАТИВИСТИКЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: компаративистика начала XXI столетия; проблемы перевода; феномен непереводимости.

АННОТАЦИЯ. Представлена дискуссия по одной из древнейших проблем теории перевода – непереводимости. В работах литературоведов начала XXI столетия обсуждается сущность данной проблемы, предметом дискуссии становятся границы непереводимости. Феномен непереводимости рассматривается в основном как жанрово-стилевая проблема. Обсуждаются непереводимость поэзии, других литературных жанров, отдельных авторов и текстов.

Alekseyeva Maria Leonardovna,

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Professionally-oriented Linguistic Education, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

SCIENTIFIC DISCUSSIONS AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: THE PROBLEM OF UNTRANSLATABILITY IN COMPARATIVE STUDIES

KEY WORDS: comparative studies of the 21st century; translation problems; phenomenon of untranslatability.

ABSTRACT. The paper presents a discussion of one of the oldest problems in the theory of translation – the problem of untranslatability. In the theoretical literature of the twenty-first century, the essence of the problem is discussed. The discussion focuses on the limits of untranslatability. The phenomenon of untranslatability is considered mainly as a genre and a stylistic problem. The untranslatability of poetry and other literary genres, as well as some authors and texts is discussed.

Проблемы перевода широко и многосторонне изучаются в рамках компаративистики [21, с. 12]. Здесь перевод рассматривается как инофонный и инокультурный модус оригинала [10], форма межлитературной рецепции [8], умножение духовных богатств путем создания новых культурных ценностей на другом языке [14]. «Отрефлектированный как компаративная проблема, перевод меняет набор основных задач не только для переводчика, но и для ученого-компаративиста» [16, с. 222].

Современные литературоведческие исследования перевода нацелены на разработку вопросов истории, поэтики, эстетики перевода и их проявление в форме системных, типологических или стилистических сравнений соответствующих текстов – основной области компаративных исследований, с учетом проблемы интертекстуальности [23, с. 125]. Затрагивается и вопрос сущности перевода [14, с. 240]. Феномен непереводимости в перспективе сравнительного изучения литературы также входит в компаративную проблематику [16, с. 223].

В фокусе исследований стоит проблематика культурных различий. Границы между языками и культурами не заданы раз и навсегда. Перевод – это «явление с трудно определяемыми границами, широко связанное с самыми разными проявлениями

литературной жизни, многообразное и разветвленное... Здесь все – относительно, привязано к двум разным системам координат, зависит от восприятия каждого из читателей и от восприятия самого переводчика, и потому подвижно и индивидуально окрашено. Перевод – это царство диалектики» [14, с. 23]. Диалектическое единство исходного и переводного текстов проявляется в «борьбе и взаимовлиянии двух языковых картин мира, двух языковых и художественных систем, двух концепций действительности – авторов оригинала и перевода – и ее художественного воплощения», а также «единичного с общим», стремления полностью передать эстетическое впечатление и одновременно сохранить все стилистические черты подлинника [13, с. 4].

В процессе перевода художественных произведений происходит синтез и взаимопроникновение языков и культур [10, с. 190]. Размыкая границы, преодолевая сопротивление материала путем творческой интерпретации, переводчик открывает новую реальность, которая может быть в другом языке. По Ю. Лотману, создается «новый» текст [9, с. 608]. Признается реальность «отклонений» в любом переводе [14, с. 28; 11, с. 35], выражающихся в неизбежных заменах, добавлениях и потерях со

стороны формы и содержания. «Приобретения» появляются в форме пояснений реалий, событий, фактов [11, с. 35]. Переводчик ограничен в своем творчестве смысловыми и художественно-эстетическими параметрами, заданными исходным текстом. Однако его талант позволяет раздвинуть границы перевода, изменить соотношение переводимого и непереводимого [14, с. 23]. Данная проблематика разрабатывается в последние годы достаточно активно, что позволяет говорить о «переводческом повороте» – *translational turn* [20, с. 2; 13, с. 125].

Дискуссия по проблеме непереводимости проводится на научных конференциях (Международная научная конференция «VI Эткиндовские чтения» (2010), посвященная теме «Переводимое/непереводимое в контактах художественных культур», продолжающаяся конференция «Unübersetzbarkeit» / «Непереводимость» в формате исследовательских мастерских (Forschungsateliers) на тему «Literarische Unübersetzbarkeit» / «Литературная непереводимость» (Лилль, 2010) и «Grenzen und Störungen sprachlicher, medialer und kultureller Übertragungsprozesse» / «Границы и препятствия языкового, медиального и культурного трансфера» (Эрфурт, 2011)), отдельных секциях (отметим постоянный научный семинар «Перевод как компаративная проблема. Границы переводимости / непереводимости» на международной научной конференции «Белые чтения» (2013), секцию «Непереводимость как проблема филологии и истории» на конференции «Полетаевские чтения» (2013)), а также на страницах специализированных научных журналов (например, «Российский литературоведческий журнал» (1993. №3), «Октябрь» (2009. № 10), «Вопросы литературы» (2009. №2), «Новое литературное обозрение» (2011. № 107, 2013. № 122), «Филология и литературоведение» (2014. № 2) и др.). Так, например, на конференции «VI Эткиндовские чтения», посвященной теме «Переводимое / непереводимое в контактах художественных культур», был поднят ряд вопросов, затрагивающих сущность проблемы: зыбкость границ между переводимостью и непереводимостью (В. Багно), необходимость изучения не только границ непереводимости, но и возможности их преодоления (М. Виролайнен), потери в переводе вследствие различного строения языков (Ж. Нива), невозможность трансляции художественных текстов (А. Арьев), непереводимость отдельных слов, например, *тоска* (К. Азадовский), реалий (В. Мильчина), игры слов (Е. Лямина), использовании вольного переложения как выхода из тупика, своего рода стратегии преодоления непереводимого (А. Шонле, Р. Войтехович).

Феномен непереводимости рассматривается в основном как жанрово-стилевая проблема за исключением работ Эмили Эптер, где звучат призывы переосмыслить традиционные взгляды на проблемы компаративистики, основываясь не на всепереводимости всех типов и жанров текстов, а с учетом принципа непереводимости, фокусируя внимание на области лексики, которая не имеет постоянных эквивалентов и продолжает переводиться заново, передаваться неправильно, переноситься из языка в язык или подвергаться заменам [18; 19]. Обсуждается непереводимость поэзии [2; 4; 12; 16; 17], других литературных жанров [5], отдельных авторов [15] или текстов [3].

М. Б. Горбатенко раскрывает данную проблему на примере русских переводов пьесы «Свобода в Крвенкиле» Иоганна Нестроя, созданной в русле жанра народной комедии (*Posse mit Gesang – фарс с пением*), отсутствующего в русской театральной традиции. Непереводимость возникает / создается за счет использования приемов импровизации и создания элементов комического, игры слов из цензурных соображений, элементов отчуждения, нарушения сценической фикции: выходных песни, представляющих новых персонажей и подготавливающих дальнейшее действие, реплик на языке перевода (на русском языке), венского диалекта, реалии в названии (*Krähwinkel* – термин для обозначения немецкого захолустья), говорящих имен (например, имя *Reakzent Edler von Zopfen* указывает одновременно на политические обстоятельства в Австрии после реакции 1848 г., на венское происхождение персонажа и на его приверженность старым порядкам) [5, с. 73-75].

В. Берелович, как и М. Б. Горбатенко, поддерживает идею о непереводимости как особом свойстве некоторых литературных текстов. Так, по его мнению, непереводимость текстов А. Зиновьева обусловлена высокой частотностью употребления игры слов, реалий советского быта и использования своего рода жаргона – бюрократически-канцелярского языка периода СССР [3]. С другой стороны, он отмечает, что любое произведение уникально и, в силу своей оригинальности, невоспроизводимо: «Литературный текст по существу уникален: мало того, что он плоть от плоти родного языка, он и сам по себе представляет собой особый язык, поэтому передавать его средствами другого языка, как поступает медицина (трансплантация) или техника (трансляция) – невозможно» [3].

Более активно обсуждается непереводимость поэзии. Ее связывают с особенностями значимой при переводе стихотворной

формы, национального и авторского поэтического мышления, принципиальной невозможности передачи поэтической речи в ее частностях [2; 4; 12; 16; 17].

Французский писатель Морис Бланшо считает, что поэтические произведения не подлежат полной передаче в другую культуру, страну, язык: «Непереводимость поэзии вовсе не в непосильном переложении с одного языка на другой, а в самом первоисточнике, – то, что ускользает в нем именно тогда, когда дается в руки, не оставляя и только что отгиснутого следа, который всякий раз тут же стирается» [4]. Возможно лишь бесконечное переложение исходного текста, но никогда – абсолютно точное воспроизведение. «Перевод непереводимого: когда текст не передает никакого самостоятельного смысла, который будто бы только и важен, но когда звучание, образность, голос (все, относящееся к фонологии) и, прежде всего, владычество ритма важнее значения, либо же они сами и составляют смысл, так что он постоянно дан только в процессе, в ходе его создания, “в миг рождения” и неотделим от той материи, которая сама по себе смыслом не обладает и к семантике не относится. Вот это и есть стихотворение. Конечно же, никакой переводчик, никакой перевод не смогут целиком перенести это из одного языка в другой и дать его прочесть или услышать как нечто совершенно однозначное» [4].

Еще большие трудности испытывают переводчики восточной поэзии, сталкиваясь с различиями в просодических системах, «ни точная, ни даже приблизительная передача которых в русском переводе невозможна, отчего он вынужден искать для них некий условный эквивалент» [12, с. 4].

Пессимистические определения условности, приблизительности, интерпретативного характера, неизбежно сопровождающие любое переведенное художественное произведение, приводят к пониманию перевода как своего рода компромисса между недостижимым идеалом и практической необходимостью [14, с. 35].

В рамках Тартусской школы проводятся исследования возможностей поэтического перевода с позиции семиотики. Граница составляет одно из фундаментальных понятий семиотической отграниченности. Б. Балясный считает, что граница семиотического пространства – не линия, а сфера, соприкасающаяся, а в некоторых случаях и пересекающаяся с границами семиосфер исходного и переводящего языков [2]. Она представляет собой сумму билингвальных переводческих «фильтров». Развивая идею Ю. М. Лотмана о блоках перевода, адаптирующих к семиотической сфере внешний

для нее мир, Б. Балясный рассматривает фильтры как нечто, преобразующее отдельные элементы исходного в процессе перехода текста в язык перевода. По мнению исследователя, при раскрытии темы «Переводимость поэтического текста» необходим именно структурно-семиотический подход, поскольку он позволяет «изучить до мельчайших подробностей процесс рождения перевода (впрочем, как и оригинала) стихотворения, разложить на сколь угодно мелкие составляющие оба текста (оригинал и перевод) и при этом “не убить дитя” литературоведческой “вивисекцией”» [2].

И. Шайтанов обсуждает феномен непереводимости как компаративную проблему в контексте сравнительной поэтики и делает ряд важных замечаний относительно характера протекания дискуссии по непереводимости на современном этапе развития науки. Он считает, что «непереводимость предполагает не отсутствие возможности перевести, а чувство ответственности переводчика, который должен помнить о том, что не все переводимо и не все должно быть передано... Между возможностью и невозможностью ставится проблема перевода. Ее можно формулировать как “непереводимость”, но можно (отдавая должное Беньямину, с поправкой на Бахтина) – как “переводимость”» [15, с. 8]. Однако сам автор отмечает: «Новизна проблемы – в акценте внимания, привлеченного теперь к разности языковых и культурных ситуаций: той, откуда пришел текст, и той, в которую он пришел» [15]. Поскольку акцент сместился в сторону различий, стоит рассмотреть проблему как непереводимость вследствие различий, а именно, какие виды различий, на каких уровнях, в каких типах текстов, в какой степени приводят к непереводимости и как ее преодолеть. При таком подходе следует перенести фокус рассмотрения проблемы «с текста в его соответствии оригиналу – на культурный контекст, с языка оригинала – на целевой язык, то есть языковую и культурную ситуацию, в которой выполнен перевод» [15, с. 26]. Данный подход созвучен новейшим тенденциям, наметившимся в современном переводоведении, где признается существование и переводимости, и непереводимости, оба феномена рассматриваются отдельно, и в силу повышенного интереса к расхождению в языках и культурах уделяется большее внимание различным аспектам непереводимости, которая получила новое обоснование в концепции П. П. Дашинимасовой. Непереводимость понимается как априорная невозможность достижения тождественности интенциональной, интерпретативной и рецептивной значимостей на основе психоней-

рофизиологического принципа порождения и восприятия речи, а также с точки зрения функционально-структурных соответствий (как невозможность одновременного достижения полной эквивалентности и адекватности), внутриязыковой организации (различия нормы и узуса двух любых языков) и культурных расхождений [6, с. 336]. Решающим фактором обоснования неперевода признается когнитивный, понимаемый как непереводаемость личностно пережитой значимости на вербальный код в рамках *одного* языка-культуры. Путем моделирования когнитивного акта межкультурной коммуникации (текстов и их переводов на русском, бурятском, монгольском и английском языках) с помощью основных психологических постулатов речевой деятельности исследователь констатирует потери при экспликации озаглаваемого со стороны автора, потери фрагментов исходной информации со стороны переводчика, потери при рецепции со стороны адресата.

Оптимистическую мысль высказал французский поэт М. Деги в докладе на конгрессе «Crosswords X Mots-croisés». Он отметил, что непереводаемость, понимаемая как невозможность перейти без остатка с одного языка на другой, создает не только непреодолимые препятствия в переводе, но и мощный ресурс для мысли, неисчерпаемое богатство [7]. Множественность языков и культур требует изучения разности аспектов. Один из возможных путей решения этой задачи намечен в многоязычном словаре-справочнике «Лексиконе неперевода-

емостей» Б. Кассен [22]. В словаре представлены наиболее трудные для перевода понятия «в терминологиях главных европейских философий, традиций, языков... он исходит из идеи одновременного различия и соизмеримости языков и строит некую разбегающуюся вселенную философии как она высказана, записана, рождена и сформулирована в разных языках» [1, с. 622]. Данное издание представляет собой десятилетний труд 150 философов, филологов, историков, текстологов разных стран, подготовленный под руководством Барбары Кассен на 13 языках (английском, арабском, баскском, греческом, иврите, испанском, итальянском, латинском, немецком, норвежском, португальском, русском, украинском, французском, шведском). Составители подчеркивают смысл и важность различий и, опираясь на зафиксированные в национальных языках, но продолжающие представлять сложность при передаче на другой язык понятия, стремятся показать специфику европейского философского пространства. «Непереводаемости» составители словаря трактуют как маркеры языковых, культурных и концептуальных различий в действии, границы и пределы. Работа переводчика в этих местах не прекращается, а усиливается из-за сопротивления оригиналу, даже после передачи на иностранный язык остаются трудности их осмысления носителями другого языка. Для русского языка исследователи выделили такие понятия, как *интеллигентность*, *соборность*, *народность* и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. С. Познание и перевод: опыты философии языка. М.: РОССПЭН. 2008.
2. Баласный Б. И. О месте поэтического перевода в семносфере // *Respectus philologicus*. 2003. № 3(8). URL: <http://filologija.vukhf.lt/3-8/baljasn.htm> (дата обращения 25.03.2014).
3. Берелович В. Переводя Зиновьева // *Prix Bussophonie* – 2008. <http://zinoviev.info/wps/archives/25> (дата обращения 25.03.2014).
4. Бланшо М. Восходящее слово, или Достойны ли мы сегодня поэзии? URL: <http://www.tyumbit.ru/~mic/blanchot/word.html> (дата обращения 25.03.2014).
5. Горбатенко М. Б. Иоганн Нестрой в России: непереводаемость как жанрово-стилевая парадигма // *Русская германистика*. Т. 7. М. 2010.
6. Дапшинмаева П. П. Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводаемости: дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2010.
7. Деги М. Патриарх французской поэзии о непереводаемости Европы // *Гедтер*. 2012. URL: <http://gedter.ru/archive/6065> (дата обращения 25.03.2014).
8. Завьялова Е. Е. Русско-зарубежные связи. Астрахань: Астрахан. Ун-т. 2008.
9. Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур // *Семносфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров*: статьи, исследования, заметки. – СПб.: Искусство-СПб. – 2000.
10. Макарова Л. С. Экзистенциальный цикл произведения и перевод // *Вестник Адыгейского гос. ун-та*. 2006. № 2. С. 185-195.
11. Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2006.
12. Никитин Н. И. Введение // *Восточная классика в русских переводах*. М.: Восточная литература, 2008.
13. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Высш. шк., 2006.
14. Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000.
15. Шайтанов И. Переводим ли Пушкин? Перевод как компаративная проблема // *Вопросы литературы*. 2009. № 2. С. 5-26.
16. Шайтанов И. *Компаративистика и/или поэтика*. М.: РГГУ, 2010.

17. Ширинский Н. О непереводаемости русского романа // Культурная среда. 2011. Вып. 1 (21). URL: <http://ks-gazeta.ru/kultura/person/264-nadir-shirinskiy-o-pererevodimosti-russkogo-romansa.html> (дата обращения 25.03.2014).
18. Apter E. *The Translation Zone: A New Comparative Literature*. Princeton : Princeton University Press, 2006.
19. Apter E. *Against World Literature: On the Politics of Untranslatability*. New York : Verso, 2013.
20. Bachmann-Medick D. Introduction: The translational turn // *Translation Studies*. 2009. Vol. 2. No.1. P. 2-16.
21. Greiner N. *Übersetzung und Literaturwissenschaft*. Tübingen : Narr, 2004.
22. Kassen V. *Vocabulaire européen des philosophies. Dictionnaire des intraduisibles*. Paris : Seuil, Le Robert, 2004.
23. Zemanek E., Nebrig A. *Komparatistik*. Berlin : Akademie Verlag, 2012.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. Н. В. Пастова.